

свинцовой печатью, указывалась крепость напитка в градусах, оплачивался акцизный сбор. При каждой перепродаже ярлык и количество вина в боке освидетельствовались властями и делалась запись в документах, так что получался своего рода паспорт. Вот один из примеров: в 1831 г. на заводе близ города Кизляра была произведена полубочка виноградной водки крепостью 30°, она продавалась на Макарьевской ярмарке, потом в городе Кашине, откуда попала в Екатеринбург, где ее приобрел туринский купец Прокопий Карелин. В Туринске качество и количество виноградной водки освидетельствовали окружной стряпчий, управляющий питейными сборами, городской староста. Только после этого дозволялось “оную в мелочную посуду разлить и припечатать” для дальнейшей распродажи потребителям.⁴

Внимание историков всегда привлекают статистические материалы. В фонде № 701 имеются отчеты о рыночных ценах на продовольствие и фураж за 1812, 1820, 1832, 1839 гг., данные о городских доходах и расходах за 30 — 40-е гг. XIX в., сведения о количестве жителей и социальном составе населения, числе домов, промышленных заведений, рынков, кузниц и т.п. Вот некоторые из этих цифр. В 1833 г. в Туринске проживало 2990 человек обоего пола, из них чиновников членов присутствий — 10, секретарей и бухгалтеров присутственных мест — 4, почтальонов — 2, городских будочников — 3, городовых крестьян с семьями — 677. В городе было тогда 567 домов и 11 улиц.⁵

Просматривая фонд туринского городничего, нельзя не отметить также ценнейшие документы, рассказывающие о пребывании в Туринске декабристов — Пущина, Анненкова, Бриггена, участников польского восстания 1830 г. — Гробовского, Рецинского и др. В делах содержится информация о выдаче этим людям писем и газет, о службе А.Ф. Бриггена в Туринском окружном суде.⁶

Документы фонда № 701 “Туринский городничий”, находящиеся в Государственном архиве Свердловской области, содержат богатейшую ретроспективную информацию об одном из старейших городов нашей области и представляют значительный интерес для историков и краеведов

¹ ПСЗ. Т. XX. № 14392. С. 256–259.

² ГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 19.

³ Новоселов А.И., Смирных А.И. Туринск. Свердловск, 1990. С. 32.

⁴ ГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 204. Л. 83–85.

⁵ ГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 207. Л. 31–36.

⁶ ГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 278, 315, 323.

С.В.ВОРОБЬЕВ
ИИиА УрО РАН, Екатеринбург

ИСКУШЕНИЕ НЭПОМ: ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО И ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ УРАЛА В 1922 гг.

Переход к нэпу в 1921 г. означал осознание большевиками необходимости использовать в управлении экономикой страны не только

административные методы, но и методы экономического, рыночного характера. Только их сочетание могло повернуть состояние экономики в лучшую сторону.

В сфере промышленности новая политика выразилась в том, что был допущен в известной мере частный капитал в мелкую и среднюю промышленность. Правда, уже изначально партийное руководство считало подобные меры временными, чрезвычайными. Они использовались как средство стабилизации промышленного производства, оживления экономической активности предприятий. В государственном секторе к управлению предприятиями в одних случаях привлекались так называемые “спецы” (профессиональные управленцы), в других — на хозяйственную работу назначались коммунисты по решению партийной организации.

Экономическая ситуация на Урале в 1922 г. оставалась сложной. Многие промышленные предприятия стояли или работали не на полную мощность, хозяйственные связи между ними и потребителями их продукции были неустойчивыми, не хватало финансовых средств. Рабочие получали заработную плату крайне нерегулярно и не в полном объеме, что вызывало среди населения недовольство. Свою негативную роль сыграли последствия голода 1921 г., который затронул и Урал. Проблема из экономической плоскости переходила в плоскость политическую. В отчете Уралбюро ЦК РКП за август 1922 г. положение оценивалось следующим образом: “в связи с реализацией урожая и уменьшением дороговизны жизни (понижение рыночных цен, сбор хлеба и овощей с собственных полей и огородов) ... к первому сентября политическое настроение уральского пролетариата определенно и значительно улучшилось. Но оно продолжает оставаться еще таким, что требуется постоянное и самое бдительное внимание партии...”¹. В тяжелом материальном положении находилось также большинство членов РКП(б), а у партийных организаций не было средств для оказания им помощи.

Несмотря на все трудности, в экономике Урала наметилась некоторая тенденция к оживлению, налаживалась производственная деятельность предприятий, осуществлялись меры по концентрации производства на рентабельных предприятиях. В мае 1922 г. был пущен Калатинский медеплавильный завод — единственный в тот период производитель цветных металлов в стране.

В этих условиях возрастала роль и самостоятельность хозяйственных руководителей, так как они непосредственно распоряжались продукцией и финансовыми средствами предприятий. Нередко это приводило к злоупотреблению служебным положением, бесконтрольному расходованию средств на собственные нужды. Такое явление определялось в партийных документах как “припадание к нэп”. На

практике оно проявлялось в том, что “хозяйственники, задерживая жалование рабочим, покупают за миллиарды технически ненужный автомобиль, когда они без нужды взвинчивают индивидуальные ставки, явно за счет рабочих, когда в обстановке огромной нужды устраиваются пышные банкеты и т.д.”². Уралбюро ЦК, осознавая политическую опасность отрыва хозяйственных руководителей от рабочих масс и от партии, пыталось воздействовать на ситуацию путем издания предупредительных директив, внушений провинившимся.

Но не всегда такой контроль за деятельностью хозяйственных руководителей был возможен из-за удаленности предприятий (заводов рудников, приисков, копей) от крупных городских центров. Здесь руководители предприятий были почти не досягаемы для Урал-Бюро ЦК и губкомов, а решения местных партийных ячеек они игнорировали. Так на Кылымском платиновом прииске администрация имела неограниченную власть: “она творит суд и расправу, увольняет и нанимает самостоятельно без биржи труда”³. Приисковая партийная ячейка во главе с секретарем — членом партии с 1905 г., пыталась отстаивать интересы и права рабочих перед администрацией, но оказалась бессильной в этой борьбе и постоянно терпела фиаско, не находя поддержки со стороны рабочих. Работники прииска боялись администрации, во главе которой стоял “беспартийный спец — пьяница-дебошир”, превратившийся фактически в местного “царька”. Его “царское” положение обеспечивало вооруженное подразделение, так называемая Горная охрана, “находящаяся на содержании администрации приисков, следовательно, и выполняющая слепо все ее приказания в какой бы то ни было форме”⁴.

В некоторых случаях самовластие хозяйственных руководителей и уверенность в собственной безнаказанности приобретали крайние формы проявления. Так, назначенный в апреле 1922 г. директором Верхне-Салдинского металлургического завода бывший член РКП(б) К.С.Рукавишников повел себя как полновластный хозяин. Он позволял себе рукоприкладство в отношении рабочих, ругал и площадными словами. На заводе была создана система осведомителей, состоявшая “из отдельных лиц администрации, отдельных рабочих и даже партийцев, и горе тому, кто выражает плохое мнение о Рукавишникове, тот будет выброшен из завода или стеснен чем-либо”⁵. Рабочие не видели никакой разницы между управляющим бывшего владельца завода и советским директором — “управителем Средне-Уральского треста Рукавишниковым”. Директор держал в страхе не только рабочих, но и завком, заводскую партийную ячейку, и даже волостной комитет партии, открыто заявляя “всех коммунистов вышибу из завода”⁶. В результате ни ячейка, ни секретарь ячейки, ни волком партии не пользовались у рабочих завода никаким авторитетом, так как не могли защитить их от произвола администрации. Рукавишников имел покровителей в вышест

ящих хозяйственных органах и, чувствуя свою безнаказанность, вел себя как настоящий барин: за счет казенных средств устраивал медвежьи охоты, покупал моторные лодки для прогулок, привлекая рабочих в качестве обслуживающего персонала.

“Припадание к нэп” было характерно не только для хозяйственных руководителей, подобное явление наблюдались также среди руководящих партийных работников разных уровней. Сначала это были единичные случаи, но с определенного момента они стали приобретать характер устойчивой тенденции. Постепенно такие “мелко-буржуазные привычки” как банкеты, прощальные вечера и другие подобные мероприятия, связанные с проведением различных съездов и конференций, становились нормой партийной жизни. Предпринимались даже попытки узаконить, легализовать подобные явления. Так, например, Кунгурский уком РКП(б) принял решение “признать банкеты в честь ответственных руководителей советских учреждений средством сближения партии с беспартийными”⁷. Такое искушение нэпом не осталось незамеченным со стороны хозяйственников и нэпманов, которые, используя затруднительное материальное положение руководящих партийных работников, предлагали им свое содействие и финансовую помощь в надежде на ответную благосклонность. Подобное “сотрудничество” создавало благоприятную почву для злоупотребления властью, коррупции, идейного и морального разложения работников партийного аппарата, приводило к конфликтам внутри партийных организаций. Типичная ситуация сложилась в Мраморской волости Екатеринбургского уезда, где некий предприниматель Стуркович “сумел, оделяя членов партии мукой и другими подарками, создать склоку внутри организации”. Отмечая факты разложения внутри местной парторганизации, журнал “Уральский коммунист” констатировал: “Пришлось перебросить, вследствие этого, нескольких товарищей. Но эта мера не ликвидировала влияния Стурковича, он продолжает свою “мудрую” тактику и ... устойчивость Мраморской организации еще колеблется”⁸.

Образ жизни партийной верхушки, мало отвечающий партийным идеалам на фоне голода и общей тяжелой экономической ситуации на Урале, ее неспособность, а в ряде случаев и нежелание воздействовать на хозяйственников и нэпманов вели к недовольству рядовых членов партии, которое приобретало черты классовой ненависти, “нечто прежних протестов “низов” против “верхов” и в отдельных случаях (Екатеринбург) в крайне острой форме”⁹, то есть выходу из рядов коммунистической партии. Соответственно падал авторитет партии среди рабочих — ее основной социальной базы.

Таким образом, в начале 1920-х гг. наметился процесс “обуржуазивания” партии. Нельзя однозначно утверждать, что нэп явился причиной данного явления, но он несомненно был его катализатором.

ром. Высшее партийное руководство почувствовало опасность, заключенную в росте влияния на партию капиталистических элементов, в складывании определенных групп, состоящих из партийных и хозяйственных руководителей и имеющих общие интересы. С другой стороны, возникала еще одна линия напряжения — между партийным аппаратом и основной партийной массой, интересы которых также начинали расходиться. Очевидно, это и стало одной из причин свертывания нэпа в стране в конце 20-х гг.

¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 473. Л. 3.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Д. 475. Л. 6.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 230 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 473. Л. 5.

⁸ Уральский коммунист. 1922. №4 (октябрь). С. 30.

⁹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 473. Л. 4, 5.

А. В. ГОГОЛИН
УрГПУ, Екатеринбург

ПОСЕЛОК БЕРЕЗОВСКОГО ЗАВОДА В XIX в.

В начале XIX в. Березовский был крупным, по тем временам, поселком с церковью, госпиталем, с тринадцатью казенными и семью сотнями обывательских домов. В 1807 г. в нем проживало 7003 человек из них мужчин — 4365 и женщин 2738¹. В этот период на Березовской руднике работало 3–4 тыс. человек, а в приписных деревнях 10 тыс. человек заготавливали для рудника лес, сено, уголь, продукты². Петербургская газета “Неделя” описывала Березовский завод в 1883 г. “...скученные постройки, тесные дворы с накопленным во дворах дыморожденным перегнем, лужи на улицах, появляющиеся с весны и существующие до зимы, вследствие странного обычая домохозяев выливать на улицу застоявшуюся и испорченную воду из погребов и других мест и выносить из домов на улицы же помои, наконец, огромные кучи навоза и других нечистот, нарочно сваливаемых как раз около речки, — все это вместе делает воздух просто убийственным³”.

К 1860 году число жителей возросло до 10449 человек: 5139 мужчин и 5310 женщин. По численности населения Березовский завод превосходил такие губернские города, как Красноярск, Чита, Якутск, уступая Перми и, конечно, уездному Екатеринбургу⁴.

Центром поселения в XIX в. служила Соборная площадь (ныне площадь Февральской революции), примыкавшая к большому пруду плотиной. Главное место на площади занимало кирпичное здание конторы Екатеринбургских золотых промыслов, построенное в 1786 г. В 1842 г. здание конторы надстроили, и оно стала двухэтажным.